

Слишком привлекательное лицо - не самая лучшая черта. Цинь Мин Юэ, помимо театра, старался избегать таких вещей, как сопровождение клиентов за вином, насколько это было возможно. До прибытия в Янь Чэн он постоянно перемещался, никогда не задерживался на одном месте слишком долго, иначе его бы уже давно взяли мальчиком или кем-то меньшим в какую-нибудь знатную или влиятельную семью.

Возможность спеть перед окружным судьей была тем, чем можно было похвастаться, но кто знал, в какую ловушку или монстра он попадет.

Сяо Фэн У притянул Цинь Мин Юэ в свои объятия и вздохнул, сказав:

"Как умно".

Опустив глаза, Цинь Мин Юэ медленно потер палец, на котором не хватало участка:

"Один раз был глупым, пострадал от последствий, так что, естественно, теперь станешь умнее".

Ку Цзян Дао был самым экстравагантным и процветающим районом в Янь Чэне. Обычно здесь можно было встретить не мало нищих, но дежурные солдаты по приказу магистрата вычистили их всех и согнали в заброшенный храм за городом. Их крики и стенания были слышны на улицах весь день.

"Па-йе, па-йе, я прошу тебя, пожалуйста. Моя мама, у нее травма ноги, она не выдержит ни одного толчка!".

Разбитые куски и миски, использовавшиеся для попрошайничества, были брошены на пол и разбились вдребезги. Девушка с исхудавшим и исхудавшим лицом плакала, поддерживая пожилую седовласую женщину, которая упала на пол. Мать и дочь были одеты в очень старую и грязную одежду, которая, казалось, была много раз залатана, что показывало их нищету.

Во главе солдат стоял Цзян Пин Ань. Увидев, что у старухи вместо правой ноги была пустая штанина, он с трудом произнес:

"Молодая девушка, это приказ окружного судьи. Отвезите свою мать за город на несколько дней, а когда начальник моего начальника уедет, вы, естественно, сможете вернуться".

Цянь Лань-жун как раз сушил лекарства за дверью вместе с Сяо Фэн У, когда он увидел это, и резко отбросил корзину. Холодно хмыкнув, он сказал:

"Вечно ты затеваешь что-то нехорошее, делаешь такие бесчеловечные вещи. Что, как нищие взъерошили им перья и беспокоят их теперь?!"

Внутри Хуэй Чунь Танга было очень влажно, поэтому на многих лекарствах уже образовалась плесень, впитавшая слишком много влаги. Балки строения также гнили, и они наняли строителя, чтобы тот укрепил балки, поэтому Сяо Фэн У перенес консультационные столы на улицу. Он наслаждался солнцем, пока сушил другие лекарства, и при этом лениво и туманно произнес:

"Здесь слишком много нищих. Вы знаете поговорку: чем лучше руководство, тем меньше нищеты и других плохих вещей. У всех здесь, в Янь Чэне, нет забот и страданий, и только эта ситуация может показать, насколько хорош наш великий окружной судья как чиновник, хм."

"Пех!"

Усы Цянь Лань Чжуна задрожали от гнева, и он почти подбежал, чтобы ударить своей курительной трубкой по шляпе чиновника Цзян Пин Аня, сердито сказав:

"Ты, ублюдок! Приведи их в мой магазин. У нее ноги нет, а ты еще заставляешь их ползти из города! Разве так твоя мать учила тебя вести себя?!"

Цзян Пин Ань уже готов был взорваться от гнева, когда увидел, что это Цянь Лань Чжун, и сразу же сдуря. Он был сыном и помнил, как Сяо Фэн У спас жизнь его матери. Кроме того, его характер был не так уж плох: помимо азартных игр, у него не было других недостатков. После слов Цянь Лань-Жуна он снова поправил шляпу и приказал своим подчиненным перенести мать и дочь на носилках в магазин. С вкрадчивым смехом он сказал:

"У нас нет другого пути. Это все по приказу окружного судьи. Цянь Лань-чжун, как скажешь, только, пожалуйста, не выпускай этих нищих! Когда надзирающий чиновник уйдет, все будет в порядке".

Цянь Лань-чжун не мог вынести происходящего, его усы раздулись от натуги, и он с укором посмотрел на солдат. Он приказал Де Гуй позаботиться о матери и дочери, а затем, схватив свою сумку с лекарствами, отправился в соседний город, чтобы не видеть подобных ситуаций, которые могли бы вывести его из себя.

Де Гуй быстро помог старухе сесть на стул и закатал ей штанины. То, что осталось от ноги, уже покрылось нарывами и сгнило до такой степени, что привлекало мух и личинок. Прикрыв нос, он посмотрел в сторону двери и сказал Сяо Фэн У:

"Шестнадцатый, ее рана довольно серьезная. Иди посмотри. Я никогда раньше не видел такой травмы".

Любой, у кого есть мозги, знал, что Сяо Фэн У совершенно точно не будет смотреть. Он повернул голову назад, чтобы взглянуть на ногу старушки, а затем отвернулся, нахмурил брови. Он открыл два арахиса и бросил их в рот, после чего улегся на кресло-качалку и, покачиваясь, сказал:

"Ах, малыш Де Гуй, какой бедный мальчик, застрял с таким хозяином, который ничему тебя не учит. Сегодня, из щедрости своего сердца, я научу тебя кое-чему".

"Посмотри внимательно. Тип ее болезни - старые гниющие нарывы. Довольно много отмерло из-за раненного места, создавая потерю кровотока ниже колена и создавая неровные пути между ее дыханием и кровью по всему телу. Из-за постоянного воздействия тепла и влажности кровь свернулась и образовала гнилые участки плоти. Возьмите немного ку фан и железного ямса, чтобы заклеить рану.¹ По одному разу утром и вечером, и она должна поправиться примерно через десять дней".

Де Гуй в шоке спросил:

"Это так просто?"

Сяо Фэн У фыркнул:

"Это всего лишь порванный и гнилой фурункул. А как ты хотел, чтобы все было сложно".

Утром пациентов было немного, но после обеда стало многолюдно.

Сяо Фэн У становился сонным от мягких солнечных лучей. Из-за этого его лицо казалось совершенно безэмоциональным и выглядело совершенно не в своей тарелке: одной рукой он держал голову, а другой проверял пульс:

"Это простуда. Немного серьезная".

Женщина напротив него не могла остановить легкий кашель, и ее лицо покрылось ненормальным румянцем. Она сказала хриплым голосом:

"Врач, я была на консультации у Бао Шэн Тана, рецепт находится здесь, но даже после того, как я его выполнила, мне не становится лучше. На самом деле, кажется, что становится все хуже и хуже. Что происходит?"

"Этот рецепт слишком консервативен, поэтому, естественно, он не даст никакого эффекта".

Сяо Фэн У опустил глаза и взял каллиграфическую кисть, чтобы добавить к рецепту еще двенадцать лекарственных трав:

"Кроме корней пуэрарии, листьев периллы пурпурной, корней сапошниковии, рамулуса коричневого, корня дягиля, кожуры мандарина, корня платикодона, корня живокости, сырого имбиря, когда будете пить лекарство, добавляйте также Шунь Ци Дань".

Пожилая женщина заколебалась и сказала:

"Но этот Шунь Ци Дань не очень дешевый.....".

Сяо Фэн У сказал:

"Тогда, похоже, выбор стоит между тем, нужны ли вам деньги или вы хотите сохранить свою жизнь".

Сказав это, он отодвинул рецепт в сторону, собираясь попросить следующего пациента, как вдруг над его головой раздался голос пожилого человека:

"Шунь Ци Дань не совсем необходим, добавьте траву шизонепеты мелколистной, и эффект будет тот же".

Сяо Фэн У отбросил кисть в сторону, разбрызгав тушь:

"У этой женщины астма, и ей нужно ежедневно пить особый лечебный суп, Шу Гань Цзю Вэй Тан. Трава шизонепеты мелколистной будет конфликтовать с лекарственными травами в этом супе, поэтому если вы добавите ее, то не только не получите никакого эффекта, но, наоборот, усугубите ее болезнь. Только Шунь Ци Дань может противостоять этому. Старик, если ты ничего не знаешь, не ходи вокруг и не разбрасывайся случайными словами, как дурак".

После этих слов он поднял глаза, чтобы взглянуть на другого человека, и увидел, что говорит пожилой старик. Тот был одет просто, но его одежда была сделана из дорогого и первоклассного шелка. От него исходила аура обычного среднестатистического человека, но после слов Сяо Фэн У на его лице появилось выражение смущения.

Большой палец Сяо Фэн У подсознательно начал теревить рукава, его брови слегка нахмурились, он подумал, что этот человек выглядит довольно знакомым, но он не мог определить, кто это.

В это время две кареты, проезжавшие по улице, внезапно попетляли обратно.

Остановившись прямо перед аптекой, из них один за другим вышли двое мужчин. Ведущий мужчина был одет в мантию чиновника, а кто еще это мог быть, как не местный окружной судья.

За ним стоял мужчина лет тридцати, одетый в длинный халат синего цвета с зеленым поясом, похожим на джадель, что создавало впечатляющую картину. Когда они шагнули вперед, окружной судья, стоявший перед ним, тут же наклонился, опустившись почти на голову, и очень охотно улыбнулся.

Вокруг них стояли солдаты с мечами в руках, так что статус неизвестного, должно быть, был весьма высок. После такого переполоха обычные граждане сразу же попрятались, чтобы их не заметили, а впереди шел синий длиннорукавный мужчина и разговаривал со стариком, который только что прервал Сяо Фэн У:

"Сяо Да-рен, разве мы не собирались пойти в Тао Тие Лу, чтобы поесть. Почему ты остановился посреди нашего пути, заставляя нас идти и искать тебя?"

"Ха-ха-ха Фань Да-рен, пожалуйста, не обращай на меня внимания. Этот старик срезал путь, придя сюда специально, услышав, что здесь есть молодой лекарь, способный на чудесные подвиги. Кто бы мог подумать, что это будет мой племянник, который не был примерным юношей. Не скажете ли вы, что это совпадение".

Старик перед Сяо Фэн У ответил и посмотрел на Сяо Фэн У, который был слегка шокирован, и старик сложил руки за спиной, а затем вздохнул. Он улыбнулся и сказал:

"Шестнадцатый, ты все еще помнишь своего второго дядю?"

У Сяо Лао-тай-е было мало детей, всего два сына: старший Сяо Пин Чжан, второй Сяо Линь Ру. Не обращая внимания на старшего, который скончался довольно рано, второй не отличался сыновней почтительностью.

Когда Сяо Лао-тай-е возглавлял столичную врачебную кафедру, он насквозь видел все махинации и подноготную того, что происходило в императорском дворце. Он решил уволиться, взял с собой на пенсию всю семью, но никак не ожидал, что его второй сын не захочет отказаться от статуса и власти. Вместо этого его второй сын тайно изучил технику иглоукалывания, переданную в семье Сяо, и использовал ее, чтобы вылечить королевскую наложницу, которая была в глубоких муках.

С тех пор он продвигался по служебной лестнице, перешагивая через всех без особого труда. Сяо Лао-тай-е был вне себя от ярости и немедленно отрекся от него, убрав его из родословной и объявив, что никто из семьи Сяо не смеет больше произносить его имя, заявив, что у него никогда не было такого сына.

Эта история произошла много лет назад, и Сяо Фэн У совсем забыл о таком дяде. Но, если подумать, Сяо Линь Ру в эти несколько лет ступал по тонкому льду, учитывая, что он явно устал и постарел, несмотря на свою внешность.

Сяо Фэн У смотрел, как он что-то говорит человеку в синей мантии, а затем поднял руки в знак приветствия, прося прощения. Тот лишь с улыбкой покачал головой и ушел вместе с окружным судьей.

Лишь двое слуг остались с Сяо Линь Ру, и он, глядя на старый пыльный, сломанный знак Хуэй Чунь Тана, погрузился в свои мысли, а потом вдруг медленно произнес:

".....Я не приезжал в Янь Чэн уже несколько лет, Шестнадцатый, если ты все еще признаешь меня своим вторым дядей, как ты смотришь на то, чтобы найти тихое место, чтобы обменяться несколькими напитками между дядей и племянником?"

Сяо Фэн У немного поразмыслил над этим, а затем слегка улыбнулся:

"Второй дядя, нет необходимости в таких формальностях. У меня есть идеальный ресторан, и если ты не против, пойдем вместе".

Сяо Фэн У не пил вина с высоким содержанием алкоголя, и он всегда ходил в маленькие причудливые ресторанчики на Платанной аллее. Он часто заходил в "Пин И Пин", чтобы попробовать их вино "Цинь Мэй Жэнь", которое варилось на сливах, но прошло уже столько времени с тех пор, как он туда ходил, что Чжан Гуй его не узнавал.

В ресторане было не так много посетителей. Внутри стоял большой стальной вок, в котором тушилась превосходно приправленная говядина, издавая горячий пар и наполняя ресторан восхитительным запахом мяса. Сяо Фэн У сказал хозяину:

"Принесите два блюда говядины и два кувшина Цинь Мэй Рен".

А затем отправился в отдельную комнату наверху вместе с Сяо Линь Ру.

Снаружи периодически моросил дождь, и Сяо Линь Ру выбрал столик у окна, чтобы насладиться красотой снаружи. Видя, как Сяо Фэн У спокойно ест арахис, выражение лица Сяо Линь Ру стало немного сложным, он несколько раз колебался, прежде чем наконец произнес вслух:

"Ты..... вы хорошо себя чувствуете?"

Движения Сяо Фэн У приостановились на этом.

Затем он улыбнулся и сказал:

"У меня все хорошо. Я, по крайней мере, могу позволить себе поесть. Другие мои братья и сестры, ну, я не уверен насчет них. Они могут быть здесь, а могут и уехать куда-нибудь".

Сяо Линь Ру тихо вздохнул:

"Это я виноват в том, что не был благочестивым сыном, а также в том, что был бесполезен и не смог спасти семью Сяо".

Сяо Фэн У не был очень пессимистичен:

"Спасать было нечего. Это не было ложью, что семья Сяо продавала опиум. Остаться среди живых - уже неплохой конец. Верно, второй дядя, у вас в столице дела идут неплохо. Почему вы вернулись в Янь Чэн?"

Сяо Линь Ру махнул рукой в воздухе, давая знак своим слугам оставить их обоих, после чего сказал:

"На самом деле это долгая история. Императрица вот-вот родит, но ее беременность протекает не очень гладко. Я не очень хорошо разбираюсь в лекарском искусстве, и даже после обсуждения с моими коллегами-лекарями положительных выводов не последовало. Поэтому по приказу императора я прибыл в Янь Чэн, чтобы найти медицинские записи и учения семьи Сяо, которые должны были быть переданы в государственную казну после расформирования, в надежде найти что-нибудь, лекарство, для этой ситуации. Поскольку Фань Да-жэнь собирался проезжать здесь, чтобы проверить округи, я решил сопровождать его в пути."

Сервер принес их заказ, из которого Сяо Фэн У налил две чашки алкоголя. Он сказал:

"Что может быть у семьи Сяо? Те книги, которые ты должен был прочитать, ты ведь уже прочитал, второй дядя?"

Сяо Линь Ру выпил весь алкоголь из своей чашки и выдохнул:

"В самом начале я был гордым, мне всегда казалось, что отец был слишком осторожен. Теперь, когда я глубоко погрузился в глубины Императорского дворца, я наконец-то понял, что такое деликатесы. Я также не боялся, что другие будут подкалывать и клеветать на меня, что я не благочестивый сын, но отец, он, он действительно был порочным хох. Он скорее готов был сжечь все учения, чем передать их мне".

О чем бы ни думал тогда Сяо Фэн У, это заставило его тоже выпить чашку спиртного.

Он улыбнулся и сказал:

"Он действительно был безжалостным".

Сяо Линь Ру посмотрел на него и вдруг смягчил голос:

"Я слышал, как окружной судья сказал, что среди шестнадцати внуков и дочерей он был самым заботливым по отношению к тебе".

Сяо Фэн У тоже оглянулся на него и развел руки ладонями наружу:

"А что, если так. Теперь он человек прошлого. Но дедушка что-то говорил перед смертью".

Зрачки Сяо Линь Ру расширились, и он быстро спросил:

"Что он сказал?!"

Сяо Фэн У задумался и сказал:

"Он сказал, что акупунктурные навыки семьи Сяо могут быть преподаны только членам семьи Сяо. Они не могут быть переданы кому-либо еще, иначе это разрушит средства к существованию всех последующих внуков."

А Сяо Линь Ру уже давно был исключен из семейного реестра.

При этих словах Сяо Линь Ру несколько раз быстро моргнул глазами, и сразу стало видно, что его лицо стало пепельным, очевидно, он понял смысл слов Сяо Фэн У. Тем не менее, он не хотел пока оставлять это без внимания и спросил:

"Твой дедушка он..... ничего не говорил обо мне перед смертью?"

"Говорил", - Сяо Фэн У поставил свою чашку, - "Дедушка сказал, что из всех мужчин семьи Сяо, ты был самым худшим в искусстве, самым несправедливым, самым беспринципным и тем, у кого вообще не было будущего".

"Донг Тонг..."

Чашка со светло-зеленым алкоголем внезапно упала со стола и покатилась по деревянному полу. В окно моросил мелкий дождь, и Сяо Линь Ру не смог удержаться от того, чтобы закрыть глаза.

Сяо Фэн У выпил еще одну чашку, непоколебимо глядя на него:

"Дедушка боялся, что найдется кто-то, кто сможет украсть учение семьи Сяо. Перед смертью он сжег все книги. Те, что были переданы чиновникам, - обычные лечебные книги, которые можно найти на улицах. Скорее всего, вам не придется искать их специально".

Сяо Линь Ру наконец-то открыл глаза, его руки неудержимо тряслись:

"Он все еще..... действительно все еще такой порочный..... такой эгоистичный.....".

Сяо Фэн У все еще улыбался, соглашаясь:

"Действительно, порочный, безжалостный. Действительно, эгоист. Но он уже мертв, поэтому говорить о таких вещах бесполезно".

<http://bllate.org/book/17367/1629053>